

СЕМЬ ВЕСКИХ ПРИЧИН НЕ РАБОТАТЬ С РУКОПИСЯМИ

Роберт Дарнтон

Перевод с английского
Андрея Костина

Аннотация

Речь была произнесена Робертом Дарнтоном 30 апреля 1992 года на симпозиуме по использованию рукописей, организованном в честь ухода на пенсию Родни Г. Денниса, куратора рукописных коллекций в библиотеке Гарвардского университета.

Статья была впервые опубликована в сборнике «Harvard Library Bulletin» № 4 за 1994 год, с. 37–42. URL: [link](#). Перевод публикуется с согласия автора.

Seven bad reasons not to study manuscripts

Robert Darnton

*Translated from English
by Andrei Kostin*

Abstract

Professor Darnton's essay was delivered on 30 April 1992 at a symposium on the uses of manuscripts in honor of Rodney G. Dennis, retiring Curator of Manuscripts in the Harvard College Library.

The article was first published in the journal Harvard Library Bulletin No. 4, 1994, pp. 37–42. The author has given consent for this publication of the article to *In Your Own Words (Svoimi Slovami)*.

Для меня большая честь присоединиться к вам в чествовании Родни Денниса и марки качества, предложенной им всей нашей науке. Моя обязанность, если я понимаю ее правильно, — засвидетельствовать, насколько важны рукописи (упорядоченный архивный мир, где царствовал со славой Родни Деннис) для истории (беспорядочного мира книг, где написанное получаешь скорее, чем верное).

Эта задача более сложна, чем может вам показаться, поскольку мне приходится проповедовать обращенным. В конце концов, неужели кто-то сомневается в том, что важно пересекать мост, ведущий из Уайднер в Хьютон¹, чтобы пойти в исследовании дальше книг, к рукописным источникам? Чтобы обойти эту опасность, я поэкспериментировал с несколькими доводами адвоката дьявола, которые и предлагаю вам, надеюсь, что я с ними *проиграю*, так что Родни Деннис в законном порядке получит свое чествование, а все мы прочие утвердимся в нашей вере, что лучшая из возможных историй — история, основанная на рукописях, рукописная история, которую я дальше буду именовать «рук-ист»², надеюсь, что никого этим не оскорблю.

Как бы то ни было, я предупреждаю вас заранее — иногда дьявол со своими доводами одерживает верх. Чтобы держать его в узде, я ограничу его доклад семью пунктами. Дьяволу кажется, что рук-ист открывает врата семи смертным грехам: снобизму, эпистемологической наивности, псевдогероизму, бесполезности, неисполнимости, несогласуемости и пирронизму.

1. Снобизм

Первый пункт в обвинительной речи дьявола против рук-иста самый очевидный. Все мы встречались с рукописным снобизмом; некоторые из нас сами рукописные снобы. Когда мы открываем книгу, мы сперва просматриваем сноски. Если там нет впечатляющей горы ссылок на рукописи, мы заключаем, что эта история несерьезна. Худшие рукописные снобы смиряются только с правильным

1. Widener и Houghton — библиотеки в Гарварде, названные по именам дарителей университета. Уайднер — основная библиотека университета, хранящая книжные фонды, в том числе современные. Хьютон — библиотека, хранящая фонды редкой книги и рукописей. Здание библиотеки Хьютона было построено в 1942 г. в непосредственной близости к библиотеке Уайднера, причем два здания были соединены крытым воздушным переходом, который был демонтирован в 2004 г. из-за нарушения правил безопасности. Доступ к фондам библиотеки Уайднера для читателей, не ассоциированных с Гарвардским университетом, существенно ограничен по сравнению с библиотекой Хьютона, открытой для любого читателя. — Прим. переводчика.

2. Р. Дарнтон использует понятие «ms. -his.» — сокращение от «manuscript history». — Прим. редактора.

типом ссылок. Для историков Франции в 1960-х это были разряды F7 и Q Национального архива (излюбленные Альбером Собулем); сегодня это разряды X и Y (их предпочитает Арлетт Фарж)³.

Снадобье от этого недуга простое: оставайтесь в Уайднер, кончайте читать рукописи, примите постмодернизм. Так, конечно, говорит дьявол. Уж он заставит нас поверить, что рук-ист представляет собой возрождение эмпирицизма — будь то его английская разновидность «просиживаем штаны» или французская, «позитивизм». Постмодернисту известно, что получаемый из рукописей доступ к истории не более надежен, чем из книг. Он насмехается над наивным представлением рук-историка, что рукописи — прозрачное окно в прошлое, «*Bloß wie es eigentlich gewesen ist*»⁴. У старой формулы Ранке не получается различить, что всюду дискурс; с ней мы неспособны к диалогу; она ведет прямо в эссенциализм; она эпистемологически наивна (пункт номер 2 в наборе доводов дьявола).

2. Эпистемологическая наивность

Я не хочу портить встречу, призванную воздать почести заслуженному архивисту, втискивая в эту лекцию еще больше жаргона, я и так уже наговорил достаточно, чтобы вы заметили за этим доводом чертовщину. Дьявол говорит: мы не можем соприкоснуться с прошлым. Мы можем лишь играть с оставшимися от него осколками — надписями, *écriture*, печатными или рукописными — неважно: в любом случае, мы используем эти клочки, чтобы составить историю, которая, возможно, никогда не случалась, которая сама есть не более чем объект нашего дискурса. Сами рукописи написаны дискурсом. Так что мы фабрикуем историю из сфабрикованного материала. Поэтому зачем биться, окапываясь в архивах? Поскольку дискурс проникает повсюду, почему бы не исследовать его там, где он гуще всего — в великих текстах? Эта нить аргументации ведет из Хьютон назад в Уайднер, да и, собственно, лишь к немногим полкам в Уайднер, ведь постмодернизм этого рода часто превращается в историю идей — идей, воплотившихся в великих книгах.

Я не смогу бороться с дьяволом на возвышенных полях эпистемологии, потому что защищать исторические исследования я буду на глубинном уровне копания в архивах. У архивной работы есть

3. Разряды Национального архива Франции: F7 — *Police générale*; Q — *Domains*; X — *Parlement de Paris*; Y — *Châtelet de Paris*. — Прим. переводчика.

4. Как это было на самом деле. — Прим. ред.

что-то, сближающее ее с когнитивной археологией, отстаиваемой Фуко. Но на деле работать в архиве — значит пропахивать один короб рукописей за другим, пачкая руки. Рытье в архивах повышает вероятность случайных находок. Вам может попасться материал, не встраивающийся в принятую картину того, как все было устроено. Такая картина похожа на гигантскую мозаику, где большинство смальт потеряны, или на калейдоскоп, меняющий изображение, когда добавляешь новые кусочки. Вставьте какой-нибудь неожиданный материал, выкопанный в архиве — и очертания внезапно изменятся; не то чтобы от этого удастся прямо взглянуть на прошлое, скорее это помогает углубить, освежить, переосмыслить то, как мы видим род человеческий.

Разродившись этим хвалебным словом, я понимаю, что вынужден иметь дело с новым постмодернистским возражением: я злоупотребляю тропом, возбуждая сострадание к честному, суровому, приземленному архивному историку в противовес претенциозному, эзотерическому историку идей. Парадоксально, но тут рукописный снобизм начинает звучать популизмом: пока высоколобые умники читали Дерриду, мы — люди простые — хлюпали сквозь старые бумаги, и грязь забивалась нам под ногти.

3. Псевдогероизм

Когда рук-историки собираются и начинают говорить за жизнь, выглядят они, как ветераны Первой мировой — *les anciens de Verdun*⁵ — похваляющиеся тяготами жизни в траншеях, где мозолистыми руками были прорыты исследования. Ричард Кобб рассказывает о борьбе с реакционной архивисткой, которая, вооружившись ножницами, срезала с документов ненавистный штамп «*République française*»

5. Ветераны Вердена. Битва при Вердене — одно из самых масштабных сражений Первой Мировой войны, проходившее с 21 февраля по 18 декабря 1916 года. Название битвы используется как метафора кровопролитной, изматывающей борьбы. В контексте речи Роберта Дарнтона упоминание ветеранов Вердена приобретает ироничный оттенок.

Важно отметить, что этот образ также имеет сложный политический характер. Память о Вердене по меньшей мере после оккупации Франции имеет проблемный статус: маршал Петен, один из ключевых генералов сражения, конструировал память о нем — в том числе через представление обществу ветеранов как безупречных героев (для чего был создан *Légion française des combattants*) — как идею, вокруг которой должна объединиться нация. Память о связи Петена с Верденом (и, соответственно, ассоциация прославления ветеранов с режимом Виши) исключалась из официального нарратива после 1945 года, оставаясь при этом постоянно в поле дебатов. См.: Barcellini S. *Mémoire et mémoires de Verdun 1916–1996* // *Guerres mondiales et conflits contemporains*, 1996. № 182. P. 77–98; Anglaret A.S. *Le Mémorial de Verdun et les enjeux de la mémoire combattante, 1959–2011* // *Revue historique*. 2014. № 669 (1). P. 29–50; Anglaret A. S. *Au service du maréchal? La légion française des combattants (1940–1944)*. Paris: CNRS Editions, 2023. — Прим. переводчика.

на верхнем поле. Еще он рассказывает, как после дня тяжелой работы в каком-то муниципальном архиве обнаружил, что заперт, так что ему пришлось «вырываться — назад — через окно на четвертом этаже — и с трудом спускаться на улицу, хватаясь за букву *A* в *Mairie*, карниз, флагшток и водосточную трубу»⁶.

Да и сам я сталкивался с опасностями не хуже. Однажды, разбирая бумаги одной флотской семьи, я открыл дверь чулана, и мне на голову с грохотом свалилось чучело аллигатора. А еще как-то раз я работал в одном муниципальном архиве, и фонды там хранились при скромном естественнонаучном музее. В музее была коллекция живых змей, они держали их в стеклянных ящиках и каждый день кормили мышами на полдник, на радость школьникам, у которых классы были на том же этаже. И вот однажды во время этого полдника беременная гадюка сбежала и скрылась за стеллажами, а потом отложила яйца как раз в рукописной части. Снаряжаясь к документам (у меня был ключ, я мог читать, что хотел), я воображал, что за каждым поворотом меня ждет схватка с детенышем гадюки.

Подобное хвастовство хорошо для эго, но плохо для профессии. Начинаешь играть роль *ancien de Verdun*, а не историка. Может, стоит вообще отказаться от этих тешащих самолюбие вылазок и спокойно остаться за линией фронта, в Уайднер?

4. Бесплезность

Роберт Палмер, мой предшественник в Принстоне, постоянно говорил студентам: «В архивы во Франции вы сможете поехать *после* того, как прочтете все книги в Файрстоун⁷»⁸. У нас уже есть так много отличной истории в печатном виде — почему бы не сосредоточиться на том, чтобы переваривать ее, вместо того чтобы собирать еще больше сырого материала? Если вы думаете, что это просто провинциальный принстонианский довод, я напомню вам, что в Файрстоун хранится 3,5 миллиона изданий (всего на кампусе — 5 миллионов), если верить последним подсчетам; между тем в библиотеках Гарварда — 12 миллионов. Ваши проблемы серьезнее наших.

Когда нужно прочитать так много книг, зачем изучать рукописи? Я помню, как впервые познакомился с рукописью. Это случи-

6. Cobb R. *A Second Identity: Essays on France and French History*. Oxford, 1969. P. 55.

7. Harvey S. *Firestone Memorial Library* — основная библиотека Принстонского университета. — Прим. переводчика.

8. Цитирую по застольным беседам с его учениками; возможно, сам Палмер никогда такого студентам не говорил.

лось прямо здесь, на этой стороне моста вздохов, в Хьютон. На первом курсе аспирантуры, возвращаясь с завтрака в Юнион, я забрел в Хьютон и попросил посмотреть на экземпляр сборника эссе Эмерсона, принадлежавший Герману Мелвиллу. Через пять минут я держал его в руках и, следя за маргиналиями, воображал себе, что читаю Эмерсона точно так же, как его читал Мелвилл. Все, что я помню сейчас — ощущение того, как держу книгу в руках, и одна заметка на поле — злобная почеркушка под эмерсоновой метафорой о Мировой Душе, огибающей мыс Горн: «Да он никогда не плавал в Магеллановом проливе!», — написал Мелвилл (ну или что-то в этом духе)⁹.

Была ли эта информация полезной? Через три года я стоял перед собором великих инквизиторов на устном экзамене на степень по американской истории и литературе: Оскар Хэндлин, Кеннет Линн и Алан Хеймерт. Их первый вопрос был: «Расскажите о связях Эмерсона и Мелвилла». «Можно начать, — ответил я, — с маргиналий Мелвилла». Внезапно мне показалось, что они сидят в креслах и смотрят на меня очень настороженно (день был долгим, мы были сборной солянкой старшекурсников, страдающих полной расхлябанностью и весенним зудом) — и так же внезапно страница, на которой я когда-то разбирал руку Мелвилла, померкла. Экзамен прошел ужасно, и позже я дезертировал в историю Франции.

Так что, как видите, дьявол был прав: никакой, даже маргинальной, пользы в работе с рукописями нет. Но, с другой стороны, он за был, что у меня был и более удачный опыт с рукописями в Гарварде. Это тоже были маргиналии, и в этот раз они *оказались* полезны. К концу бакалавриата библиотекари в Ламонт¹⁰ попытались отучить нас от порчи книг, выставив худшие образцы наших граффити в стеклянных коробах у нижнего выхода из библиотеки. Я замороженно стоял перед пометами моих однокурсников: подчеркнутые абзацы, сбоку от них — записи, оспаривающие то, что эти абзацы скольконибудь важны; под ними — возражения на возражения, и так далее, в дивном диалоге, испещрившем все страницы. Много лет спустя я присоединился к своре историков, пытающихся взять след того, чем было чтение в прошлом, разработать достоверную историю чте-

9. В мелвилловском экземпляре книги: *Emerson R. W. Essays: First Series*. Boston: Munroe, 1847. 4th ed (Houghton Library, AC85.M4977.Zz847e) на 216 странице к тексту из эссе «Prudence» «The drover, the sailor, buffets it all day, and his health renews itself at as vigorous a pulse under the sleet, as under the sun of June» сделано примечание: «To one who has weathered Cape Horn as a common sailor what stuff all this is». (Подробнее см.: Cohen A. G., Yothers B. Introduction to Melville's Marginalia in Emerson's Essays: First Series and Essays: Second Series // Melville's Marginalia Online. URL: [link](#)). — Прим. переводчика.

10. Lamont Library — подсобная библиотека по гуманитарным и социальным наукам в Гарвардском университете. — Прим. переводчика.

ния, одну из самых сложных и ускользающих разновидностей так называемой «новой культурной истории». Возможно ли ухватить мыслительные процессы, с помощью которых читатели воспринимали тексты? Возможно ли избежать анахронизма, этого смертного греха большинства исторических исследований? Одна из лучших стратегий ведет через маргиналии, и я признателен Хьютон и Ламонт за то, что показали мне путь.

5. Неисполнимость

Все это хорошо, говорит дьявол, но история чтения — на самом деле, все поле истории книги, — так никогда и не взлетела, просто потому что она неисполнима. Обещает с три короба, а не дает ничего: грех номер пять.

Кажется, использование рукописных источников играет здесь решающую роль. Возьмем кейс Франции XVII века. Историки книги вроде Анри-Жана Мартена пытались составить общую картину литературы, которая на самом деле выходила на рынок (*la littérature vécue*¹¹) в эпоху *grand siècle*¹². Чтобы разметить ее, они опирались на печатные источники, в основном — на каталог Национальной библиотеки. Сейчас мы понимаем, что фонды BNF отражают менее половины названий, выпущенных в XVII веке. В ней хранится слишком мало дешевых народных книг, известных как *bibliothèque bleue*¹³, потому что они зачитывались в труху, и в любом случае библиотекари не считали их «литературой» и потому не включали в свои собрания. Эротические книги отправлялись в *enfer*¹⁴ Национальной библиотеки до самого недавнего времени. Так что история, основанная на печатных источниках, будет исключать самое обычное и самое горячее; ту самую глину, из которой слеплена почти вся современная культурная история.

Чтобы подобраться ближе к *la littérature vécue*, нам придется пересечь мост вздохов и войти в мир рукописей. Франсуа Фюре пересек

11. Букв. «живая литература». — Прим. ред.

12. Великий век — период в истории Франции, в течение которого государством правили три первых короля из династии Бурбонов: Генрих IV (1589–1610), Людовик XIII (1610–1643) и Людовик XIV (1643–1715), в скобках указаны годы правления. — Прим. ред.

13. Голубая библиотека — формат книгоиздания, представляющий собой популярную и коммерчески успешную серию брошюр в обложках из грубой серо-голубой бумаги. В книгах Голубой библиотеки печатались стихи, проза, а также познавательные тексты, астрологические предсказания и советы. — Прим. ред.

14. Преисподняя. — Прим. ред.

эту черту в 1960-х, когда перешел вброд широченный рукописный пролив — запросы на королевские привилегии (разрешения на издание книг) за весь XVIII век. Он обнаружил, что «новая» литература — романы, например, или трактаты всех этих *philosophes* — терялись по сравнению с изданиями классиков, благочестивой литературы, старомодными историческими и юридическими сочинениями, составлявшими основную часть чтения большинства читателей.

Работа Фюре казалась убедительной, потому что она замечательно согласовывалась со старой формулой истории «*Анналов*»: прослеживала игру структуры и конъюнктуры на большом временном отрезке, размахивая статистикой; и она доказывала, что инерция в культуре прошлого перевешивала инновацию.

Моя собственная работа пришла к противоположным результатам. Исследуя спрос на книги в тысячах писем восемнадцативечных книготорговцев, я обнаружил дикий и буйный рынок книг просветителей — и еще более вызывающих книг, вроде «*Венера в монастыре, или Монахиня в пеньюаре*» и «*Частная жизнь Людовика XV*». Конечно, разные архивы привели к разным выводам. И Фюре, и я оспаривали стандартный взгляд на литературную историю как классический канон, но в итоге наши ревизионизмы не согласуются. У Фюре французы читают исключительно Сент-Иасента; у меня — только д'Арженвиля¹⁵.

6. Несогласуемость

Ну и вот я уже почти в конце лекции (если вы считаете, мы добрались до номера шесть, несогласуемости), и я сам загнал себя в угол — туда, куда дьяволу и нужно. Вместо того, чтобы крыть победными доводами, достойными Родни Денниса, я сползаю в пирронизм. Не правда ли, спрашивает дьявол, наращивая преимущество, что все вы, рукописные историки, оказываетесь в заложниках у своих источников? Вам кажется, что вы сможете пробиться дальше, за границы печатного слова, а на самом деле вы замуровываете себя в узкие комплексы документов и попадаете за решетку к сомнительной структуре архивов.

Возьмем самый-самый выдающийся кейс: Алексис де Токвилль. Он доказывал, что Франция была подчинена централизующей власти государства. От интендантов Людовика XIV до префектов Наполеона — воробей не умирал, шпиль не ремонтировался без ведома

15. Furet F. *La 'librairie' du royaume de France au 18e siècle // Livre et société dans la France du 18e siècle* / Furet et al. Paris, 1965; Darnton R. *Edition et sédition. L'Univers de la littérature clandestine au XVIIIe siècle*. Paris, 1991.

централизованной бюрократии. Откуда Токвилль это знал? Он изучал разряд С в архиве Тура, отличный комплекс документов, показывавший, как интенданты обменивались пространнейшими донесениями о церковных башнях со своими субделегатами и Главным Контролером.

Теперь так. Административная единица вокруг Тура была огромной территорией с почти миллионом жителей, включая одного интенданта и пять субделегатов. Как вообще могли эти полдюжины людей управлять гражданскими делами целого региона? Кажется, что все нити у них в руках — если смотреть через разряд С; но исследуйте их с другой перспективы, и придете к выводу, что Франция *недоуправлялась*. К такому выводу приходит еще один дьявольски умный рук-историк, написавший еще одну книгу со словами *L'Ancien Régime* в названии, Пьер Губер.

Для Губера история Франции происходит на улицах и в сараях крестьян, никогда не выдавших интенданта и буквально не говоривших на его языке. Вместо того, чтобы подчиняться власти всепроникающего государства, они сдавались недоеданию и чуме. Губер изучал приходские ведомости, по которым мог следить за борьбой между жизнью и смертью, воссоздавая динамику семей.

Пока Губер готовил свой шедевр, *Beauvais et Beauvaisis*, Эммануэль Ле Руа Ладури работал над своим: *Les Paysans de Languedoc*. Два молодых ученых садились на поезда в разных концах Франции — Бове и Монпелье — чтобы сверить выписки в парижских кафе. Это были великие моменты для истории истории, по-своему такие же великие, как моменты, когда Гиббон сидел на ступенях Форума и глядел сквозь века на падение и взлет Рима. Но с Губером и Ле Руа Ладури ужинал еще третий — дьявол. Он позаботился, чтобы у них вышли совершенно несопоставимые результаты. Сквозь приходские ведомости Бове семнадцатый век выглядел темным — временем демографических кризисов и экономической депрессии. Увиденный сквозь кадастровые рукописи Монпелье, это был век света — экономического и демографического подъема¹⁶.

Если бы дьявол хотел вывести из этой басни мораль, он сказал бы, что она показывает — социальная история, даже когда пишется самыми одаренными исследователями на самых богатых архивах, неизбежно запутывается в клубок противоречий. Вместо того, чтобы освободить нас от узкого книжного взгляда на прошлое, рук-ист сделал нас пленниками тех самых рукописей, от которых мы ждали избавления.

16. Goubert P. *Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730, contribution à l'histoire sociale de la France du XVIIe siècle*. Paris, 1960; Le Roy Ladurie E. *Les Paysans de Languedoc*. Paris, 1966.

Не сомневаюсь — вы заранее знаете мой ответ: оба, и Губер и Ле Руа Ладури, были правы. Было две Франции — одна на севере, другая на юге; и, да, два семнадцатых века: один мрачный, другой солнечный. Рук-ист заставляет нас переосмыслить основные категории, такие как нация и век; и в этом, в частности, его сила.

7. Пирронизм

Славненько, говорит дьявол. А давайте возьмем работы Эрнеста Лабрусса и Мишеля Марино, двух лучших экономических историков, исследовавших развитие французской экономики в целом на протяжении всего восемнадцатого века. Выбрав цены на зерно в качестве индекса экономической активности, Лабрусс создал впечатляющие графики, показывавшие, как экономика росла все больше, в последовательности волнообразных циклов. Марино остановился на урожае с десятины, и у него вышли графики, остающиеся совершенно ровными более чем сто лет¹⁷.

Рук-ист обречен на пирронизм, грех седьмой.

Нужно отдать дьяволу должное: противоречия не дают покоя. Зарывшись в рукописи, историки надеялись увидеть историю «снизу», принять опыт рядовых и неумытых, сформулировать общую картину человеческого рода, *histoire totale*, как говорят французы. Но даже разделяя какие-то общие цели и методы, они пришли к различным заключениям, используя разные документальные комплексы.

Обойти это не удастся: рук-ист привел к кризису доверия. Мы переели архивных исследований. Напичкались документами. Мы больны — у нас род элфантиаза, закупорка пищеварительного тракта, которую я назвал бы монографизмом. Если мы собираемся когда-нибудь усвоить весь несогласующийся материал, добытый в архивах, нам нужны общие организующие идеи.

Так что — нам стоит повернуться спиной к Хьютон и побрести по неверному пути в Уайднер, издавая тяжкие вздохи? Не думаю. В конце концов, даже Фукидид иногда страдал от несварения, и никто на свежей памяти не верил в возможность или желательность увязывания прошлого в один опрятный пакет — никто, кроме охранников на входе в школу Маркса и школу Броделя.

Только дьявол будет пытаться загнать нас скопом в школы, искушая нас чистотой. Только Вельзевул протягивает предложе-

17. Labrousse C. E. *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*. Paris, 1933; Marineau M. *Les Faux-semblants d'un démarrage économique: agriculture et démographie en France au XVIIIe siècle*. Paris, 1970.

ние об упаковке — как будто прошлое можно затолкать в программу или сжать в микрочип. И я говорю — изыди, Сатана. Братья и сестры и почитатели Родни Денниса, противьтесь злomu духу. Примите свой удел. Знайте, что вы остаетесь обреченными населять мир кавардака, усыпанный несогласованностями, заросший противоречиями и забитый рукописями. Благодаря обилию пергамента и бумаги вы можете следить за тем, как ваши предшественники пытались найти путь сквозь смущение, и сами немного продвинуться вперед. Я верю, что это и есть призвание историка. Но историки никогда не могли бы взять след пропавшего человечества без помощников, заботившихся о рукописях. Так что в конце наша благодарность обращается наконец к Родни Деннису и его сотрудникам в виноградниках Господа нашего в Хьютон, ибо без них бумажной охоты не случилось бы никогда.

Роберт Дарнтон
Заслуженный профессор
и библиотекарь Гарвардского
университета, почетный доктор,
Гарвардский университет
robert_darnton@harvard.edu

Robert Darnton
University Librarian and
Carl H. Pforzheimer Professor,
Emeritus,
Harvard University
robert_darnton@harvard.edu

Андрей Александрович Костин
Научный сотрудник,
Университет Гренобль-Альпы,
лаборатория ILCEA4
a.al.kostin@gmail.com

Andrei Kostin
Researcher,
Université Grenoble-Alpes,
ILCEA4
a.al.kostin@gmail.com